



Е. М. Аблин: «На площади Юности, на мозаике, я изобразил живчиков и сперматозоидов»

26.01.2009

ZELENOGRAD.RU

Один из символов Зеленограда — площадь Юности. А одним из узнаваемых элементов оформления площади Юности является мозаика на здании «Русского леса» — в минувшем году она была внесена в реестр культурных ценностей регионального значения.

Об истории её создания и о Зеленограде 60-70-х годов рассказал автор, **художник-монументалист Евгений Михайлович Аблин.**



www.zelenograd.ru



Мы встретились с Евгением Михайловичем в его московской мастерской, располагающейся под крышей жилого дома. Двухэтажная мастерская и зимой полна света. Картины, кисти, инсталляции, коллажи и запах краски создают необходимый антураж для подобного разговора. Хозяин, отпраздновавший недавно восьмидесятилетний юбилей, под горячий чай с баранками рассказывал о том, как он делал мозаики наперекор существующим в то время запретам.

— Что символизирует мозаика на площади Юности?

— Эта мозаика создавалась в то время, когда Хрущёв запретил всяческие излишества. Время, когда появились пятиэтажные дома, «хрущёвки». Мой дядя, крупный строитель, инженер-проектировщик, привёз из Франции первые проекты подобных домов. А Хрущёв эти проекты постоянно «урезал»: «Дешевле, дешевле!» Дядька мой ругался страшно, но ничего сделать не мог. В общем, из хороших французских проектов сделали эти пятиэтажки, которые сейчас наконец-то сносят. Везде царил безликость, и архитекторам хотелось внести хоть какое-то разнообразие. А проще всего это сделать живописью, мозаикой или рельефом!



В Зеленограде хотелось сделать не просто мозаику, а некую живую форму, бионическую структуру. Делали не из специальных камней для мозаики, не из смальты, а из отходов гранита. Мы ездили по всем гранитным фабрикам, собирали оттенки гранита холодных цветов. Материал был, в итоге, практически бесплатным. Работа в Зеленограде продолжалась два года, архитектор этого здания — Анатолий Климошкин. В Зеленограде в это же время в Московском институте электронной техники работали Эрнст Неизвестный, Сергей Чехов, Валерий Тюлин. Чуть позже Ирина Лаврова сделала в Доме Культуры деревянную резьбу.

— Случались ли какие-то забавные моменты за время работы в Зеленограде?

— Да, был один забавный случай. В обеденный перерыв поднялся к нам на крышу Игорь Покровский, руководитель проектной мастерской Зеленограда, с «хозяевами города» — председателем исполкома и ещё с кем-то. А у меня один из элементов — такие золотистые «живчики». И кто-то из чиновников спросил: «Хорошо, хорошо, а это тут что?». А я отвечаю: «Живчики и сперматозоиды». А он говорит: «Ну, молодец, молодец!». И пошли дальше...

Вообще с такими абстрактными вещами раньше было очень трудно и смешно. Работал я с главным архитектором Москвы — Михаилом Васильевичем Посохиным — над мозаикой в Совете Экономической Взаимопомощи (СЭВ), где трудились иностранцы. Я выполнил эскиз абстрактной композиции во времена, когда абстракция была категорически запрещена, в середине 60-х годов. В этом здании сейчас находится Мэрия, на бывшем Калининском проспекте, сейчас — Новом Арбате. А потом Посохин позвал меня оформить на Новом Арбате шашлычную. В эскизе я на чёрном фоне разместил натуральные объёмные горшки, типа амфор. Посохин этот эскиз одобрил, а на художественном совете эскиз не прошёл. Члены совета сказали: «Если бы вы их нарисовали, то ещё куда ни шло. А так нельзя!». Михаил Васильевич попросил сделать другой эскиз. Тогда я ему предложил чистую абстракцию. Он мне сказал: «Нет, Евгений Михайлович, это же не СЭВ, это для советских людей! Тут абстракция не годится!» Ну, я и отказался от этой работы. Посохин после этого стал принимать мои эскизы без всяких комиссий. Мы сделали с ним ещё четыре работы. Последняя, к сожалению, не состоялась в МГИМО, там я должен был оформлять фасады библиотеки. Но это другая история...

Кстати, для работы над мозаикой в СЭВе, задуманной из редкого камня -флюорита, месторождение которого находилось под Душанбе в Таджикистане, мне пришлось самому добывать материал. Я спускался в шахту, сверху вода течёт, мы с фонарями, в робах... а там на каждом уровне порода имеет разные оттенки, и я говорил, откуда сколько

вагонеток надо. А потом, когда уже во время работ камня не хватило, оказалось, что его можно в любых количествах привезти из Монголии и не мучиться. Но вообще добывать камень было интересно, видите, я до сих пор об этом вспоминаю. С ужасом и с удовольствием :)

Посохин, к слову, за этим столом выпил столько водки! Он любитель этого дела! Он приезжал с Климочкиным, и мы тут принимали водочку и эскизы. А на совете я больше проекты не показывал.

— **А так можно было? Нет, понятно, конечно, что можно, раз вы так делали, но как?**

— А я сам был членом одного совета и председателем другого, так что на всё это смотрели сквозь пальцы. И мне было интересно то, что в СЭВе для иностранцев абстракцию можно было позволить, а вот для советских людей это было категорически запрещено.

— **У вас в нескольких инсталляциях можно увидеть пивные бутылки или этикетки. Вы — любитель пива?**

— Нет, что вы, я не любитель пива! Я любитель водки!

— **Какие воспоминания у вас остались от Зеленограда, о Зеленограде?**

— Честно говоря — счастье. Тогда всё было молодое, старое было зачёркнуто — сталинская архитектура, сталинские дома, вплоть до хрущёвской архитектуры, всё новое. И архитекторы были молодые, и художники. Выходили все на новые какие-то рубежи. Так что период работы в Зеленограде был периодом молодости и счастья.



— **В Ташкенте вы сделали самую большую в мире мозаику...**

— Да, на фасадах ташкентского телецентра. Это более 2,5 тысяч квадратных метров. Архитектурный проект был очень плохим. Обычно художник в архитектуре привязывается к ритму строения. Либо работа делается «вопреки», либо повторяет какой-то архитектурный ритм, соотносится с ним. А тут стоял в центре Ташкента совершенно глухой блок 120и120, в котором совершенно не к чему было привязать работу. Я год мучился с ним, просто чтобы «подойти». Архитектор это должен был сделать, но не сделал, построив просто «коробку» и пригласив художника, чтобы он «доделал». А когда я придумал использовать «раппёрт», то есть «повтор», всё встало на свои места. Это был 73-й год, самый разгар застоя. Один из узбеков-архитекторов заявил, что мой проект — сплошная абстракция, такого не может быть у них в Ташкенте. А после этого выступила одна женщина, искусствовед. И она сказала, что до сих пор в Узбекистане на стенах делались гигантские увеличения восточных миниатюр и это неправильно. А тут — творческий подход с обработкой среднеазиатских мотивов, что является хорошей находкой и примером для подражания. После чего главный архитектор Ташкента Адылов закрыл обсуждение, но потребовал сделать фрагмент из цветного картона в натуральную величину и на земле

выложить фрагмент мозаики, чтобы можно было представить, как это будет выглядеть. Я позвонил в Москву и велел собирать бригаду. Уже через неделю приехали первые несколько человек (а позже число художников-исполнителей доходило до 22). Мозаика — это же огромный объем подготовительных работ: необходимо поставить строительные леса и подъёмники, подвезти песок, цемент, наладить сварку, в общем, тьма всяких вещей. Но у меня были очень хорошие бригадиры. И вот мы поставили забор, и я решил никому не показываться, пока не сделаю фрагмент работы в натуре. Полтора месяца я делал угол, сразу, без картонов. А во время работы почти каждый день приезжали белые партийные машины, из которых вылезали «черные пиджаки», надевали шляпу, смотрели, садились обратно и уезжали. А мне исполнители со строительных лесов сообщали каждый раз: «Опять приезжала «шляпа». Они так следили! :) Через полтора месяца я решил показать фрагмент главному архитектору. Приехал к нему, говорю: «Сабир Рахимович, хочу вам показать кусок, который я сделал. А вы его вообще видели?» «Конечно, видел! Плохо было бы — остановил!» «Так, может, Вам и не надо его показывать?» «Да не показывайте, продолжайте работу!»

— **Вы художник-монументалист, но у вас много станковых картин. Что всё-таки ближе, «роднее», за что проще браться?**

— Сейчас, даже если бы были заказы на создание мозаики, то я бы уже не взялся — это тяжёлая физическая работа.

— **Да, особенно, если камень для неё самому добывать! :) —** А живопись никогда не была мне чужда, поэтому сейчас я с удовольствием ею занимаюсь.

— **Вы из творческой семьи?**

— Нет, у меня в семье только Митя, внук, продолжает моё дело. Родители не имели отношения к искусству. У Мити нет художественного образования, он закончил журфак МГУ, а работает в полиграфии. Но, при этом, он член Союза художников.

Дмитрий Аблин присоединился к разговору:

— Это, вообще, сложная история. Занимаюсь я полиграфией, издательским делом. А в свободное время делаю вещи, не столько живописные, сколько коллажные. Четыре года назад была выставка в Русском музее, в Петербурге. Приезжали за работой Евгения Михайловича, а заодно взяли и мою. Я использую многие пластические приёмы деда, но вкладываю в них иной смысл, иное содержание. Посмотреть фоторепортаж о мастерской художника [можно тут](#).

Екатерина Шокурова